

A. С. СТЫКАЛИН

**XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
(БУХАРЕСТ, АВГУСТ 1980) НА ФОНЕ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ
ЧАУШЕСКУ И ТРЕНИЙ В СОВЕТСКО-РУМЫНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ¹**

**THE XV INTERNATIONAL CONGRESS OF HISTORICAL SCIENCES
(BUCHAREST, AUGUST 1980) AGAINST THE BACKDROP
OF THE PERSONALITY CULT OF CEAUȘESCU AND FRICTION
IN SOVIET-ROMANIAN RELATIONS**

Regularly held international congresses of historical sciences regularly become venues for discussions among historians not only of different national schools but also of diverse ideological and political persuasions. The peculiarity of the 15th congress, held in Romania in the summer of 1980, lay in the fact that the well-prepared delegation of the congress hosts, tasked by the Ceaușescu regime with presenting to the global professional community the official Romanian view of the history of Romanians' relations with their closest neighbors, faced resistance from equally well-prepared opponents from other countries. The discussions took place against the backdrop of Romania's very complex relations with the USSR and some other Eastern Bloc partners, and the ever-increasing personality cult of Ceaușescu, the maintenance and strengthening of which required the active use of historical arguments. Archival sources introduced into scholarly circulation make it possible to trace the shift in the Soviet side's tactics in disputes with the Romanians on historical topics, which inevitably acquired political overtones: from the dominant approach until the late 1970s of not demonstrating publicly disagreements with representatives of an allied country to a readiness to rebuff those concepts that were based on the desire to justify Romania's historical rights to territories that were part of the USSR.

Keywords: international congresses of historical sciences, Ceausescu regime in Romania, Soviet-Romanian historical disputes, Bessarabian question

Alexander Stykalin – PhD in History, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: zhurslav@gmail.com. ORCID: 0000-0003-0834-9090

1 Citation: A. S. Stykalin, „XV Mezhdunarodnyi kongress istoricheskikh nauk (Bukharest, avgust 1980) na fone kul'ta lichnosti Chaushesku i trenii v sovetско-rumynskikh otnosheniakh” [The XV International Congress Of Historical Sciences (Bucharest, August 1980) Against The Backdrop Of The Personality Cult Of Ceaușescu And Friction In Soviet-Romanian Relations.] *RussianStudiesHu* 8, no. 1 (2026): 131–149. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.8

До середины 1950-х годов Румыния выступала вполне лояльным членом советского блока. Однако после 1956 г. ситуация начала меняться. Сильно напуганная венгерской революцией, румынская коммунистическая элита начала постепенно выстраивать механизмы противодействия любым «либеральным» влияниям, исходящим из других социалистических стран (включая СССР) и способным создать угрозу ее неограниченной власти. Сюда добавились и разногласия по вопросам экономической интеграции стран-членов СЭВ, вызванные опасениями руководства Румынии, что она превратится в аграрно-сырьевой придаток более развитых стран. В 1963 г. они приводят к острому конфликту между Г. Георгиу-Дежем и Н.С. Хрущевым. Особая внешнеполитическая позиция Бухареста, нашедшая свое теоретическое обоснование в апрельской Декларации 1964 г., проявилась и в равноудаленности от обеих конфликтующих сторон в условиях углублявшегося советско-китайского спора.

Попытка осуществить перезагрузку двусторонних отношений была предпринята с советской стороны после отставки в октябре 1964 г. Н. С. Хрущева и кончины в марте следующего года Г. Георгиу-Дежа. Она оказалась неудачной. Новый лидер Румынии, довольно молодой и амбициозный Николае Чаушеску с самого начала в целях повышения своей популярности внутри страны (как и веса Румынии на международной арене) с еще большей последовательностью, чем его предшественник, проводил в отношениях с СССР независимую линию, ссылаясь на национальные интересы, как он их понимал. Не поддержав ни позицию Москвы по целому ряду ключевых проблем международных отношений (в том числе в связи с шестидневной арабо-израильской войной 1967 г.), ни августовскую интервенцию 1968 г. в Чехословакии, Румыния превратилась в «инакомыслящего члена» восточного, советского блока.

С усилением внешнеполитических разногласий выходят на поверхность расхождения в трактовках историками ключевых проблем двусторонних отношений. В условиях, когда наука была призвана обслуживать курс на всё большее дистанцирование от Москвы, румынские историки, отстаивая свое видение, готовы были апеллировать к авторитету Карла Маркса. В конце 1964 г. под эгидой Румынской академии и под редакцией академика Андрея Оцетя была опубликована редким для страны 20-тысячным тиражом антология, содержавшая выдержки из текстов Маркса с резкой критикой экспансионистской политики царской России на Балканах, что напрямую (в нарушение ранее су-

ществовавших табу!) подводило читателя к мысли о несправедливости присоединения Бессарабии (междуречья Днестра и Прута, края с выходом также к Дунаю и Чёрному морю) к Российской империи в соответствии с Бухарестским миром 1812 г. по итогам очередной русско-турецкой войны. Это автоматически вело к пересмотру отношения и к событиям 1918 г., когда Румыния аннексировала Бессарабию, обосновав эту акцию своим историческим правом на все земли Молдавского княжества, объединившегося в 1859 г. с Валахией в единое румынское государство. С выходом в свет вышеупомянутой антологии социалистическая Румыния впервые неформально заявила свои исторические права (причем с апелляцией к наследию самого Карла Маркса!) на некоторые земли, входившие в состав СССР.

В 1966 г. на партийном активе по случаю 45-летия образования румынской компартии Чаушеску раскритиковал линию Коминтерна в отношении Румынии. Он говорил о том, что межвоенную Великую Румынию никак нельзя считать страной, овладевшей чужими территориями, она занимала румынские исторические земли (к которым он отнес полученные по итогам Перовой мировой войны Трансильванию, Банат, Буковину, Бессарабию), а вот компартия, получая указания из Москвы, от Исполкома Коминтерна, зачастую действовала вразрез национальным чаяниям. Как заявлял Чаушеску, нет оснований говорить о политике национального угнетения в межвоенной Румынии, и более того, как в 1920–1930-е годы, так и теперь Румыния была и остается национальным государством. В развитие положений, прозвучавших в речи Чаушеску, антинациональная линия Коминтерна стала причисляться историками к числу факторов, подталкивавших страну в поисках союзников к сближению с нацистской Германией, на что не могли не отреагировать в СССР². Более того, поначалу осторожно, но вполне определенно получает развитие тезис о широком присутствии в компартии чуждой национальным интересам агентуры (венгерской, еврейской, болгарской), нацеленной на развал Великой Румынии.

Всё отчетливее проявлялись разногласия между историками СССР и Румынии в трактовке событий Второй мировой войны. С советской стороны замечали, что румынские коллеги даже с трибуны международных научных форумов все чаще проводят идею о том, что их стра-

2 См. подготовленную в 1972 г. по заказу аппарата ЦК КПСС записку историка А. А. Языковой «О тенденциозном освещении вопросов истории второй мировой войны и истории Коминтерна в работах румынских историков»: *Российский государственный архив новейшей истории* (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 64. Д. 110.

на сближалась с Германией силой не зависящих от нее обстоятельств (включая советско-германский пакт 1939 г.) и само ее подключение к нападению на СССР в июне 1941 г. все более трактовалось как нечто вынужденное. Советская акция по присоединению Бессарабии летом 1940 г. объяснялась обоснованным стремлением воспрепятствовать дальнейшему продвижению Третьего рейха; но, с другой стороны, ни одно румынское правительство не могло равнодушно воспринять утрату своей исторической земли³. В печати такого рода построения подавались предельно осторожно, но достаточно ясно, чтобы виделись расхождения в трактовках.

Попытки (пусть даже завуалированные) отнести Бессарабию к числу румынских исторических земель, на которые Румыния всегда может заявить свои права, вызывали в Москве тем большее раздражение, что означали не только ревизию утвердившегося в советской историографии отношения к Бухарестскому миру 1812 г., закрепившему этот край за Россией, но и пересмотр роли СССР на некоторых этапах Второй мировой войны (и в частности, справедливости вхождения Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР летом 1940 г.)⁴, а это воспринималось куда серьезнее, став фактором, реально ведущим к ухудшению межгосударственных отношений

Несмотря на усиление напряженности в отношениях с Румынией, советская сторона избегала открытой полемики с союзнической страной. Так, в резолюции на вышеупомянутую записку 1972 г. было сочтено целесообразным подготовить ряд публикаций о роли Коминтерна в сплочении мирового коммунистического движения с тем, «чтобы, **не вступая в открытую полемику** [выделено мною – А. С.], раскрыть существо тех вопросов, которые встречают неверное толкование у румынских историков»⁵. Косвенная критика позиции румынских историков содержалась в статьях с критикой ряда положений западной историографии. Кроме того, уделялось внимание освещению именно «светлых страниц» в истории двусторонних связей, например, попыткам сближения в 1930-е годы и контактам министров иностранных

3 См. подробный отчет историка А. А. Шевякова о длительной командировке в Румынию в конце 1968 – начале 1969 г.: Архив РАН. Ф. 681. Оп.3. Д. 619. Л. 215–247.

4 В свою очередь, с румынской стороны все чаще выражалось неудовольствие принижением в советских публикациях заслуг Румынии в победе над нацизмом после ее разрыва с Германией в августе 1944 г. и перехода на сторону антигитлеровской коалиции.

5 РГАНИ. Ф.5. Оп. 64. Д. 110. Л. 152.

дел двух государств, М.М. Литвинова и Н. Титулеску в целях создания системы коллективной безопасности в Европе. Причем и здесь советскими историками давались более критические оценки политики межвоенной Румынии, расходившиеся с версиями, бытовавшими в румынской историографии.

Стремление уклониться от открытой полемики доминировало все 1970-е годы, но подлежало пересмотру, когда пришла информация об усиленной подготовке режима Чаушеску к очередному, XV Международному конгрессу исторических наук, который должен был пройти в Бухаресте в августе 1980 г. Ведь вполне ожидаемым было использование румынской стороной трибуны форума для донесения неприемлемых для советской науки концепций и представлений до более широкого круга западных ученых. Эта новая, наступательная тактика нашла отражение в рекомендациях советским историкам, командированным к участию в конгрессе. Как отмечалось в соответствующей записке, **«советским участникам конгресса историков должна быть рекомендована активная линия поведения, позволяющая использовать наш потенциал для разоблачения несостоятельности румынского подхода»** [выделено мною – А. С.]⁶.

Ставя это событие в более широкий исторический контекст, надо иметь в виду, что 1980 год не относился к числу наиболее беспокойных в развитии очень непростых советско-румынских отношений. Переживаемые Румынией экономические трудности и стремление не допустить (во имя сохранения общественного спокойствия) слишком резкого, взрывоопасного падения жизненного уровня населения заставили правительство летом 1980 г. обратиться к поискам новых больших займов. Это вызвало вопросы со стороны Международного валютного фонда, усомнившегося в кредитоспособности страны. На нежелание предоставлять новые кредиты повлиял и большой скандал (бегство на Запад в 1978 г. генерала Секуритате И. М. Пачепы, обнародовавшего конкретные факты замышлявшихся спецслужбами Чаушеску провокаций против эмигрировавших на Запад румынских диссидентов) – он особенно сильно ударил по имиджу румынского национал-коммуниз-

6 Записка посольства СССР в Румынии (январь 1980 г.) «О некоторых новых тенденциях в румынской исторической науке в связи с подготовкой в СРР к 2050-летию первого дакского централизованного государства и подготовкой в Румынии всемирного конгресса историков» – экземпляр, направленный для ознакомления ЦК компартии Молдавской ССР: *Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova* (AOSPRM). F. 51. In. 54. D. 7. F. 13-19.

ма в глазах западных элит, оказывавших до этого покровительство режиму Чаушеску как дистанцирующемуся от Москвы.

Зависимость румынской экономики от конъюнктуры цен на нефть всё усиливалась. К концу 1980 г. внешний долг превысил сумму 10 млрд. долларов, причем всё большая часть бюджета должна была идти на погашение долгов. В таких условиях совсем не было смысла педалировать разногласия с Москвой, в том числе и в вопросе о вторжении СССР в Афганистан. Более того, со стороны Чаушеску проявилось некоторое повышение интереса к внешнеторговому сотрудничеству в рамках СЭВ. Однако зная чувствительность общественного мнения в стране к вопросу о границах румынского «национального пространства» (“spațiul românesc”), в Бухаресте сохраняли последовательность, ни в коем случае не желая публично признать за СССР большее историческое право на Бессарабию, чем имеет на нее Румыния. Любые уступки здесь противоречили базовым идейным установкам румынского национал-коммунизма, склонного в интересах сохранения общественной поддержки все чаще разыгрывать национальную карту. Особенно неприемлемыми считались попытки формирования (а по сути искусственного конструирования) в Молдавской ССР особой «молдавской советской нации», которая, принципиально позиционируя себя как нерумынская, вместе с тем претендовала бы на преемственность государственным и культурным традициям Молдавского княжества, составлявшим неотъемлемую часть румынского национального наследия.

В условиях весьма непростых отношений между СССР и Румынией советские историки как на молдавском республиканском, так и на всесоюзном уровне получали политический заказ уделять всё большее внимание обоснованию справедливости присоединения Бессарабии к России и его положительного влияния на судьбы этого края. Критическое изучение румынской исторической литературы входило в обязанности посольства СССР в Бухаресте. В марте 1980 г. посол В. И. Дрозденко принял члена политисполкома ЦК румынской компартии В. Казаку и их беседа не только обозначила имевшиеся принципиальные расхождения, но и отразила тактику обеих сторон. Посол указал на пагубность для двусторонних отношений публикаций, в которых завуалированы территориальные претензии к СССР⁷. Румынские

7 Запись беседы опубликована: А. С. Стыкалин, “Полемика советского посла и румынского функционера (март 1980 года) об освещении прошлого двусторонних отношений”, *Славяноведение*, no. 1 (2017), 12–30.

функционеры отвергали подобные упреки, ссылаясь на подписание их страной заключительного акта Хельсинкского Совещания 1975 г. Кроме того, в июне 1976 г. Чаушеску, к удовлетворению Москвы, публично заявил об отсутствии у официального Бухареста территориальных претензий к кому бы то ни было. Речь шла, как это постоянно подчеркивалось румынской стороной, лишь о восстановлении в научных трудах исторической правды, отстаивать которую румынские историки были, однако, настроены достаточно рьяно. Не только широким общественным мнением, но во всё большей мере и партийной элитой Бессарабия воспринималась как неотъемлемая составная часть «*spațiul românesc*», утраченная в результате военных неудач и неблагоприятных для Румынии геополитических изменений. Говорить о формировании в СССР у людей, проживающих по левую сторону реки Прут и пользующихся тем же языком, какой-либо другой, не румынской идентичности, представлялось совершенно неприемлемым. Категорически отвергались и упреки в национальной дискриминации в межвоенной Румынии бессарабских молдаван, в реальности составлявших часть румынского этноса.

Таким образом, к 1980 г. складывается ситуация, когда серьезные советско-румынские разногласия как в принципиальном вопросе о молдавском советском «национальном проекте», так и в оценках ряда ключевых событий истории, могли в любой момент выплеснуться на поверхность в виде ожесточенной перепалки, как это произошло в отношениях между КПСС и КПК в начале 1960-х годов. Это было крайне нежелательно для Москвы, заботившейся о единстве Организации Варшавского договора (ОВД). Выстраивание отношений с Румынией в рамках социалистического содружества не только относилось к числу весьма непростых задач советской внешней политики, но требовало активного обращения к историческим аргументам.

На переднем крае в подспудных советско-румынских столкновениях исторической памяти, когда при отсутствии в печати прямой полемики с обеих сторон излагались резко отличающиеся друг от друга, плохо совместимые, а подчас и абсолютно противоположные версии тех или иных исторических событий и явлений, все чаще оказывались историки и – шире – работники идеологического фронта Молдавской ССР. При этом, чувствуя уязвимость своих установок перед лицом не только не истребленного, но все сильнее пробуждавшегося интереса образованных советских молдаван к истории и культуре своих, говорящих на том же языке запрутских соплеменников, они нередко за-

нимали более наступательную в сравнении с центром, т.е. с Москвой, (а в некоторых случаях и откровенно алармистскую) позицию⁸. Так, в подготовленном в феврале 1980 г. в АН Молдавии отзыве на монографию сотрудника Института мировой литературы АН СССР Ю. А. Кожевникова «Эпоха романтизма в румынской литературе» (М., 1979) содержался призыв не забывать тот факт, что многие классики румынской литературы были молдавскими писателями. Как отмечалось далее, нельзя из общности языка выводить общность национального самосознания румын и молдаван: «имеющаяся несогласованность оказывает плохую услугу культурному строительству в республике и может быть превратно истолкована недругами молдавского народа», а потому во всех научных центрах страны должен быть установлен «единый подход к этому исключительно важному вопросу не только в культурном, но и в политическом аспекте»⁹. К призывам преодолеть подобного рода несогласованность и занять более твердую позицию прислушивались в Москве при подготовке советских историков к международному конгрессу.

Разногласия в трактовках истории Бессарабии, как и в определении этнической сущности бессарабских молдаван оставались камнем преткновения при попытках наладить советско-румынский диалог на разных уровнях. Так, в отчетах о посещении Румынии делегациями из Советской Молдавии приводились примеры того, как различия в историческом воспитании, сформированных школой и СМИ представлениях об истории Румынии, ее роли во Второй мировой войне, о сути бессарабского вопроса, о культурно-языковых различиях румын и молдаван, о праве самостоятельной молдавской нации на существование порождали взаимонепонимание. В музеях гг. Яссы и Ботошани им бросались в глаза, вызывая соответствующую реакцию, карты межвоенной «Великой Румынии», включавшие междуречье Днестра и Прута. Вызывали возмущение трактовки перехода Бессарабии под румынскую юрисдикцию в 1918 г. как совершённого на основе плебисцита «великого национального воссоединения»¹⁰, равно как и замалчивание освободительной миссии Красной Армии в 1944 г. В музее Михая

8 E. NEGRU, GH. NEGRU, *“Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965–1989). Studii și documente* (Chișinău: Academia de Științe a Moldovei, 2013).

9 AOSPRM. F.51. In. 52. D.73. F. 12-13.

10 Возмущение тем большее, что они зачастую сопровождалась ссылками на цитаты из работ В. И. Ленина о праве народов на самоопределение.

Эминеску в Ботошани советские гости выражали недоумение, почему ничего не говорилось о принадлежности великого поэта к молдавскому народу (ведь этому их учили в школе). Случались и острые конфликты, когда экскурсоводы в присутствии советских ветеранов войны (а таковые были и среди бессарабских молдаван) оправдывали, если даже с оговорками и не в полный голос, нападение Румынии на СССР в июне 1941 г. необходимостью вернуть утраченные в 1940 г. исконные румынские земли.

Получив право на проведение международного конгресса историков, режим Чаушеску воспринял его подготовку как важную государственную задачу¹¹. Румынские историки, выступая «единым фронтом» и пользуясь преимуществами хозяев, должны были в своих докладах, в ходе дискуссий и в распространяемой печатной продукции донести до коллег со всего мира определенные взгляды на историю Восточной и Юго-Восточной Европы, ее отдельных регионов, на сложные взаимоотношения румын с ближайшими соседями. Все их тексты, представленные конгрессу, были заранее изучены в партийных инстанциях, а залы заседаний наводнены секуристами в штатском. Член советской делегации, крупный историк-балканист В. Н. Виноградов в своем обзоре особо отметил большую активность многочисленной румынской делегации. Перед взором участников конгресса, писал он, прошла вся история Румынии от глубокой древности до современности. Вполне понятным было стремление румын показать международному профессиональному сообществу свои достижения. Однако далеко не все представленные положения казались убедительными¹².

Дело отнюдь не ограничилось изложением румынской официальной позиции по дискуссионным вопросам, связанным с переделом в разные эпохи межгосударственных границ, с историей таких полиэтничных исторических провинций как Бессарабия, Буковина, Трансильвания, Добруджа (и соответственно обоснованием исторических прав Румынии на некоторые земли соседних государств). В спорах с

11 См. выступление Чаушеску 27 мая на совещании в связи с подготовкой конгресса: СР. ROMAN, "Directive politice privind tratarea istoriei României în vederea celui de al XV-lea Congres internațional de istorie, august 1980", *Arhivele totalitarismului*, no. 1–2 (2011), 203–214. См. также: IONUȚ-MARIAN FILIPESCU, "Între propagandă și interes academic: Al XV-lea Congres internațional de științe istorice", *Arhivele totalitarismului*, no. 1–2 (2016), 182–191.

12 См.: В. Н. Виноградов, "К обсуждению вопросов истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на XV международном конгрессе исторических наук", *Новая и новейшая история*, no. 1 (1981), 46–60.

венгерскими историками румынам предстояло отстаивать так называемую «теорию континуитета», т.е. представления о непрерывности проживания восточнороманского населения в Карпатско-Дунайском регионе со времен Римской империи. Большое внимание было уделено выявлению не только римских, но и гето-дакских корней румынской государственности и культуры¹³. 1980 год был объявлен в Румынии годом 2050-летия основания дакского централизованного государства, и на проведенную по этому поводу в самый канун конгресса, 8-9 августа большую конференцию, организованную Румынской академией, был приглашен ряд авторитетных западных ученых-антиковедов. На пленарном заседании самого конгресса в день его открытия 10 августа с докладом о румынском этногенезе выступил председатель национального комитета историков Румынии академик Штефан Пашку.

В советских дипломатических донесениях тех месяцев приводились свидетельства культа личности Чаушеску, приобретшего огромные масштабы. Это наглядно проявлялось и в уличных плакатах, и в музейных экспозициях, и в публикациях к 15-летию его прихода на высший партийный пост, в которых эта дата рассматривалась как одна из ключевых в национальной истории, начало нового «золотого века», когда благодаря «гению» Чаушеску страна смогла обрести «второе дыхание», выйдя на «самые передовые мировые рубежи». При этом в юбилейных публикациях отмечалась преемственность от национальных вождей и героев эпохи даков – Бурбисты и Дечебала к лидеру сегодняшней Румынии, «гению Карпат». Воспевание заслуг Чаушеску объявлялось органической потребностью нации, со времен Бурбисты и Дечебала, господарей Штефана Великого и Михая Храброго чествовавшей своих героев и вождей – не в силу страха перед тиранами и невежества масс, как это было присуще восточным народам, а совершенно осознанно¹⁴.

Согласно официальной мифологии, нашедшей отражение и в музейных экспозициях, Древняя Дакия, в немалой мере располагавшаяся на территории современной Румынии, позиционировалась как третий наряду с Древними Грецией и Римом центр античной цивилизации и культуры, имевший международное значение. Возведение истоков румынского этногенеза и национальной государственности на более

13 Согласно принятой в Румынии версии, румынский этнос возник в результате синтеза автохтонного гето-дакского населения с пришельцами-римлянами.

14 См. подготовленный в посольстве СССР в Бухаресте обзор румынской прессы за 1980 г. (AOSPRM. F. 51. In. 56. D.1. F. 28–39).

чем 2000-летнюю глубину создавало базу для утверждений о превосходстве «культурной модели» и государственной традиции румын над традициями и культурными моделями славян и венгров. Более того, в научной периодике и широкой прессе появлялись утверждения о том, что именно государственные образования румын становились в разные эпохи преградой, сдерживавшей экспансию мадьяр и славян, способную создать угрозы для западной цивилизации. Как отмечалось, хотя «дако-римский корпус» румынской нации и не удалось уберечь от «славянского прорыва» VI – VIII вв., а позже от венгерских и тюркских вливаний, обеспечив тем самым «чистоту расы», все-таки сохранение унаследованного от Римской империи языка, на котором были выражены «самые высокие достижения человеческого гения своего времени», позволило румынам занять совершенно особое место в Восточной Европе¹⁵. Член советской делегации член-корреспондент АН Казахской ССР Г. Ф. Дахшлейгер отметил в отчете: «вопросам румынского этногенеза, истории государственности, формирования территории было уделено большее внимание, чем они занимали в мировом историческом процессе. Причем эти вопросы освещались в докладах и выступлениях несколько упрощенно, прямолинейно, со стремлением к удревнению. Эта же тенденция ясно прослеживается в исторической литературе, в экспозициях музеев, в том числе исторических картах»¹⁶.

Вопросы подготовки конгресса не раз обсуждались на Отделении истории АН СССР¹⁷. Были приняты во внимание рекомендации посольства СССР в Бухаресте для членов советской делегации¹⁸. В посольстве считали важным, чтобы все советские участники независимо от тематики их докладов получили должную информацию о современной Румынии, ее внутренней и внешней политике, особом курсе, о состоянии советско-румынских отношений. Это позволило бы им лучше подго-

15 Ibid. Полемицировавшие с этой точкой зрения советские историки задавались вопросом, как «более передовые дако-римляне» могли заимствовать у «более отсталых славян» значительную часть терминологии, касающейся земледелия. См.: Виноградов, «/К обсуждению вопросов истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы...»

16 Архив Национальной академии наук Республики Казахстан. Ф. 11. Оп. 1. Д. 461. Л. 13. Автор выражает благодарность коллеге М. В. Ковалеву за предоставление источника.

17 Архив РАН. Ф. 457. Оп.1. Д. 722–724.

18 В нее входило более 100 историков почти из всех союзных республик, что было призвано подчеркнуть интернациональный характер советской исторической науки. Возглавить советскую делегацию должен был академик Е. М. Жуков, но он скончался в марте 1980 г. Делегацию возглавлял С. Л. Тихвинский.

товиться к полемике. В записке содержалось предложение, чтобы советские историки в споре с румынами координировали свои позиции с историками Венгрии и Болгарии, «учитывая известную антивенгерскую и антиболгарскую направленность некоторых концепций в современной исторической науке СРР»¹⁹. В то же время было признано нецелесообразным все то, что способствовало бы сближению румынских историков с западными.

В конгрессе приняло участие примерно 2700 историков из 67 стран. Хотя в разных секциях было заслушано и обсуждено более 120 докладов и сообщений, многие гости не получили возможности не только представить результаты своих исследований, но даже высказаться в прениях. В рамках конгресса по традиции прошли заседания отдельных ассоциаций и международных комиссий, объединяющих историков разных стран²⁰. На ряде секций обсуждались проблемы методологии исторических исследований. Так, в секции «Язык историка» речь шла о роли языка в описании и истолковании исторических событий, заимствовании историками терминологии других и не только гуманитарных наук, о выработке терминологии, приемлемой для историков разных стран и направлений. Стремление к использованию новых методов познания проявилось в повышении интереса к *oral history*, что также нашло отражение в программе. Новые социально-политические веяния в развитых странах предопределили повышение интереса к темам, доселе не привлекавшим слишком большого внимания на такого рода конгрессах. Так, в секции «Женщина в истории», объединившей специалистов по политической, экономической истории, исторической демографии и т.д., приняли участие и историки из СССР и восточноевропейских стран, увидев новые возможности в выявлении преимуществ социалистического строя. Отдельная секция была посвящена влиянию экологии, климатических изменений на развитие мировых цивилизаций, демографические проблемы, повышение смертности.

19 AOSPRM. F. 51. In. 54. D. 7. F. 13–19. О согласовании позиций с историками ряда социалистических стран см. также: Архив РАН. Ф. 457. Оп.1. Д. 724. Л. 85–87.

20 Ассоциация по изучению Юго-Восточной Европы, Европейская ассоциация современной истории, комиссии по истории социальных движений, церковной истории, истории городов, истории Французской революции, истории университетов, истории государственных представительных учреждений, по дипломатике, нумизматике, морской истории, истории прессы и другие. См. обзор деятельности конгресса: С. Л. Тихвинский, В. А. Тишков, «XV Международный конгресс исторических наук (Бухарест, 10–17 августа 1980 г.)», *Вопросы истории*, no. 12 (1980), 3–23.

Большое внимание было уделено проблемам истории Балкан, Центральной и Восточной Европы²¹. Одной из ключевых в работе конгресса была секция «Восточная Европа – место встречи цивилизаций». Румынские историки, следуя традициям Николае Йорги и его книги «Византия после Византии», отметили живучесть византийского наследия после падения Империи. Применительно к русским землям это проявилось в провозглашении Великого княжества Московского «Третьим Римом». Советские историки представили широкую картину культурной жизни Киевской Руси, испытывавшей как византийские, так и некоторые западные влияния при доминировании автохтонных начал²². В соответствии с доминировавшей в тогдашней советской науке позицией влияние Золотой Орды на развитие русских земель и всей Восточной Европы оценивалось однозначно негативно. Один из ключевых членов делегации СССР В. Т. Пашуто говорил о том, что благодаря издревле сложившемуся древнерусскому ядру Московская Русь сформировалась в XV–XVI вв. как прочное и по сути моноэтничное централизованное государство. Представитель Ватикана М. Скадуто выступил с докладом «Представления о Московии на Западе в XIV – XVII вв.», опираясь на воспоминания западноевропейских послов в Москве, нуждающиеся в источниковедческой критике, что дало советскому историку С. М. Каштанову основания для уточнений.

Докладчики обращались к сопоставительному анализу городов Балкан и Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. При рассмотрении роли Османской державы акцент делался на мерах (военных, социально-экономических, административных, идеологических), которые пускала в ход Порта с целью удержания под своей властью этнического, языкового, религиозного и культурного многообразия, составлявшего империю. Интеграция греческой православной церкви в систему османского господства, несколько смягчая его и примиряя христиан с этой властью, вместе с тем со временем, как это было не раз показано, стала тормозом на пути развития других национальных культур православных народов. Советские историки в споре с запад-

21 Все три доклада, зачитанных на пленарных заседаниях, были посвящены истории Юго-Восточной Европы. Проф. В. Кындя (Румыния) говорил о месте румынского народа в мировой истории, также ведя отсчет румынской государственности с гетто-дакских времен. Византинист Д. Ангелов (академик Болгарской академии наук) выступил с докладом «Болгарское государство и Европа в Средние века» на заседании, приуроченном к 1300-летию болгарской государственности.

22 З. В. Удальцова, Я. Н. Щапов, Е. В. Гутнова, А. П. Новосельцев, «Древняя Русь – место встречи цивилизаций», *Вопросы истории*, no. 7 (1980).

ными коллегами, связывавшими упадок городов (Новгорода, Пскова) с давлением централизованной власти, приводили факты, показывавшие сохранявшуюся экономическую активность русских городов даже в условиях централизованного государства. Венгерский специалист по экономической истории Ж. П. Пах выступил с докладом «Пути левантской торговли и Восточная Европа в средние века», вызвавшим оживленную дискуссию. При обсуждении проблем колонизации Северной Америки, экономических последствий открытия Америки для Европы советский латиноамериканист И. Р. Григулевич привел данные нумизматики, свидетельствующие об опосредованных торговых связях Московской Руси с испанскими колониями в Америке, что расширяло представления о масштабах мирового товарообмена в раннее Новое время.

При обращении к событиям новой истории на первый план выходили проблемы национализма. Венгерский ученый Э. Нидерхаузер призывал к более тесной увязке подъема национальных духовных культур с социально-экономическими процессами. Год проведения конгресса совпал со 150-летием революций во Франции, Бельгии и Польше, что дало повод для комплексного рассмотрения этих событий как проявлений несовершенства системы, установленной по итогам наполеоновских войн, и в то же время прелюдии революций 1848–1849 гг., и не в последнюю очередь венгерской революции. Т. М. Исламов (СССР), прибегая к сопоставительному анализу, указал на асинхронность в развитии разных народов и регионов Центральной Европы в этот период. На конгрессе были продолжены дискуссии предшествующих лет в связи со 100-летием Восточного кризиса 1875–1878 гг. и Берлинского конгресса 1878 г. Как отмечалось, на превращение Балкан в «пороховой погреб Европы» влияли не только соперничество крупных держав, но и гегемонистские устремления местных, национальных элит, стремившихся к округлению своих владений за счет соседей (об этом говорил советский академик А. Л. Нарочницкий, полемизировавший с сербским коллегой М. Экмечичем). Принципиальные разногласия между историками Болгарии и Югославии по македонскому вопросу в контексте сложных проблем этногенеза на Балканах вылились в очередную бурную полемику.

При обсуждении проблем экономической истории Иван Т. Беренд (Венгрия) указывал на то, что промышленный переворот, затронув в последней трети XIX в. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы, не привел к коренной ломке традиционных структур, что сказалось и на специфике межвоенных политических режимов в регионе. Румынские историки представили сопоставительный анализ аграрных

и – шире – структурных реформ, предпринятых элитами разных стран после Первой мировой войны в попытках сбить революционную волну. Иллюзии, связанные с мелкотоварным производством, не оправдались в условиях мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. В секциях по социальной истории были заслушаны представленные на широком материале сообщения по истории управления производством и трудовых отношений.

В Бухаресте в международном конгрессе исторических наук впервые участвовали историки континентального Китая, а также Вьетнама. Представители КНР распространяли свои тексты на разных языках (в том числе по таким мало изученным сюжетам, как, например, связи средневекового Китая с Византией). Большое внимание было уделено борьбе Китая за независимость в XX в., роли крестьянства как движущей силы революционного процесса в этой стране. На конгрессе рассматривались и методы колонизации Китая, место этой огромной страны в системе международных экономических связей.

Хотя атмосфера конгресса располагала к дискуссиям, перегруженность программы не всегда давала возможность им развернуться, чаще они имели место в виде последующего отклика в исторической периодике. Это касалось далеко не в последнюю очередь спорных построений румынских историков²³. Впрочем, и на самом конгрессе хватало критики румынских концепций, причем с разных сторон. Так, греческие историки скептически отнеслись к преувеличению влияния дако-гетской цивилизации на эллинский мир. Э. Нидерхаузер призвал не переоценивать роль дако-романских традиций в культурном развитии Дунайско-Карпатского региона. Некоторые западные ученые упрекали румын в приверженности устаревшему «романтическому национализму» и идеализации своего прошлого. Советский антиковед Ю. К. Колосовская на материале археологии оспорила тезис о том, что дакийская цивилизация по своему уровню резко выделялась на фоне других восточных соседей Римской империи. По ее мнению, не опирался на достаточную проработку источников и другой излюблен-

23 Так, В. Н. Виноградов, полемизируя с ними, призывал рассматривать автономию Молдовы и Валахии в составе османских владений не как некую незабываемую константу румынской истории, а в более тесной связи с конкретно-исторической обстановкой. Ограничение автономии в XVIII в. заставляло элиты этих княжеств обращаться за покровительством то в Петербург, то в Вену. Расширить автономные права княжеств удалось в XIX в. при поддержке России в условиях, когда русско-турецкие войны расшатали всю систему Османской империи.

ный тезис румынских историков – о том, что уже при Буребисте было заложено единое централизованное государство даков.

При всей остроте и политизированности некоторых дискуссий конгресс прошел без серьезных эксцессов, способных сильно ухудшить советско-румынские отношения. Можно предполагать, что румынские историки, призванные донести свою позицию до международной общественности, были вместе с тем проинструктированы избегать явных скандалов. За несколько дней до открытия конгресса, 4 августа 1980 г., Л. И. Брежнев неформально принял в Крыму Н. Чаушеску. Обе стороны признали, что расхождения во мнениях не должны мешать многостороннему сотрудничеству, ибо, как заметил румынский лидер, СССР и Румыния при любых условиях останутся соседями, это реальность, не зависящая от того, что написал об общем прошлом двух стран тот или иной историк²⁴.

Чешские оппозиционеры, как остававшиеся в самой Чехословакии в условиях так называемой «гусаковской нормализации», так и эмигрировавшие после 1968 г., использовали особое положение Румынии внутри советского блока для того, чтобы в дни конгресса неформально посетить эту страну в целях расширения своих международных связей. В кулуарах конгресса распространялась продукция самиздата, эмигрантские издания, доводилась до сведения коллег информация о судьбах преследуемых историков²⁵.

Все-таки в выступлениях руководства Международного комитета исторических наук²⁶ возобладала установка на достижение консенсуса между историками разных убеждений на основе объективного подхода, которая, правда, подвергалась критике со стороны наиболее ортодоксальной части советских и восточноевропейских историков, настаивавших на недопустимости деполитизации науки, отказа от идеологической борьбы²⁷.

24 *Arhivele Naționale Istorice Centrale. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe. 127/1980. F. 9.*

25 М. Гаек, *Воспоминания о чешских левых*. (М.-СПб.: Нестор-История, 2019), 335–336. Официальная делегация ЧССР представила доклад о типологии национального возрождения в странах Центральной Европы в интерпретации близкой тогдашней советской.

26 К. Эрдмана из ФРГ в качестве главы комитета сменил по итогам работы конгресса польский историк А. Гейштор.

27 В начале сентября 1980 г., подводя итоги конгресса, Отделение истории АН СССР отметило положительное значение форума. Была подчеркнута необходимость уделять большее внимание некоторым новым направлениям и методам исторической науки, получившим развитие за рубежом (и в том числе *oral history*). См.: Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 724. Л. 92–95.

Не успел закончиться конгресс, как внимание Чаушеску и его окружения оказалось прикованным к событиям в Польше, к начавшимся забастовкам в Гданьске. Слишком велик был страх, что румынские рабочие, недовольные наметившимся снижением уровня жизни, последуют польскому примеру. Однако в те самые дни, когда в Гданьске уже формировался забастовочный комитет, Чаушеску позволил себе закатить грандиозный банкет для участников всемирного конгресса историков. Ломившиеся от изобилия угощений столы были призваны продемонстрировать интеллектуалам-гуманитариям со всего мира процветание социалистической Румынии²⁸.

Впрочем, звучавшие на фоне польских забастовок фанфары не слишком адекватно отражали настроение Чаушеску и его окружения. Они вполне отдавали себе отчет в том, что в стране имеются силы, которые явно не против перенесения в Румынию польского сценария. Ведь публичные проявления недовольства исходили уже не только от узкого круга интеллигенции, но и от рабочего класса²⁹.

Приход к власти М. С. Горбачева и его команды застал Румынию в состоянии углублявшегося системного кризиса. В свое время, в августе 1968 г., интервенция в Чехословакии стала для Н. Чаушеску хорошим поводом продемонстрировать как Западу, так и собственному общественному мнению независимость перед Москвой. Тактика имела временный успех: благодаря осуждению акции ОВД он заработал немалый капитал как во внутривластном (укрепив режим своей личной власти), так и во внешнеполитическом плане. Впоследствии этот капитал был всецело растрочен. Постепенное ужесточение внутренней политики, усиление до совершенно грандиозных размеров культа личности, растущая неплатёжеспособность по кредитам, жесткие преследования оппозиционеров – всё это нанесло сильнейший урон репутации режима.

Режим Чаушеску пал в конце 1989 г., как прекратил свое существование в 1991 г. и Советский Союз. Освобожденные от крайностей и открытого мифотворчества прежней эпохи, базовые идеологемы национальной румынской историографии (признание государства даков одним из источников румынской государственности; теория континуитета; возведение истоков румынской духовной культуры к временам Древ-

28 Свидетельство известного российского и молдавского историка В. Я. Гросула, участника конгресса.

29 Забастовка шахтеров в Долине Жиу в августе 1977 г., попытка создать независимый профсоюз в 1979 г., завершившаяся арестом ее инициаторов.

него Рима и др.) сохраняются и сегодня. Что касается российско-румынских столкновений исторической памяти в связи с вопросами, которые были спорными в эпоху социализма, они не только продолжают, но даже обострились, ведь в отличие от времен Брежнева и Чаушеску теперь уже нет никаких взаимных союзнических обязательств и, соответственно, нет уже речи о нежелании демонстрировать всему миру непримиримые разногласия между союзническими странами по территориальным вопросам. Эти споры с российской стороны активизируются, когда в Румынии происходят новые попытки хотя бы частичного оправдания военного вторжения в СССР в июне 1941 г.

References

- Arkhiv Natsional'noi akademii nauk Respubliki Kazakhstan* (Almaty) [The Archive of the National Academy of Sciences of the Republic Kazakhstan]. F. 11. Op. 1. D. 461.
- Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 457. Op. 1. D. 722–724; F. 681. Op. 3. D. 619.
- Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova* [Archive of the Social-Political Organizations of the Republic of Moldova]. F. 51. In. 52. D. 73; In. 54. D. 7; In. 56. D.1.
- Arhivele Naționale Istorice Centrale* [The National Historical Central Archive]. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe. 127/1980. F. 9.
- IONUȚ-MARIAN FILIPESCU, “Între propagandă și interes academic: Al XV-lea Congres internațional de științe istorice” [Between Propaganda and Academic Interest: The XVth International Congress of the Historical Sciences], *Arhivele totalitarismului*, no. 1–2 (2016): 182–191.
- MILOŠ HÁJEK, *Vospominaniia o cheshskikh levykh* [The Memoirs about the Czech Leftists] (Moscow – Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019)
- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii* [The Russian State Archive of Contemporary History]. F. 5. Op. 60. D. 110.
- ELENA NEGRU, GHEORGHE NEGRU, “Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965 – 1989). Studii și documente [The „Special Line” of Romania and Discontent of Moscow. The Soviet-Romanian Dispute and the anti-Romanian Propaganda Campaigns in RSSM (1965–1989). Study and Documents] (Chișinău: Academia de Științe a Moldovei, 2013).
- CR. ROMAN, “Directive politice privind tratarea istoriei României în vederea celui de al XV-lea Congres internațional de istorie, august 1980” [The Political Directives on the Interpretation of the History of Romania in the Prospect of the XVth International Congress of the Historical Sciences, august 1980], *Arhivele totalitarismului*, no. 1–2 (2011): 203–214.
- A. S. STYKALIN, “Polemika sovetskogo posla i rumynskogo funktsionera (mart 1980 goda) ob osveshchenii proshlogo dvustoronnikh otnoshenii” [Controversy between the Soviet ambassador and a Romanian official (March 1980) on the coverage of the past of bilateral relations], *Slavianovedenie*, no. 1 (2017): 12–30.
- S. L. ТИХВИНСКИЙ, V. A. ТИШКОВ, “XV mezhdunarodnyi kongress istoricheskikh nauk (Bukharest, 10–17 avgusta 1980 g.)” [The XVth International Congress of the Historical Sciences (Bucharest, 10–17 august 1980)], *Voprosy istorii*, no. 12 (1980): 3–23.

Z. V. UDAL'TSOVA, IA. N. SHCHAPOV, E. V. GUTNOVA, A. P. NOVOSEL'TSEV, "Drevniaia Rus' – mesto vstrechi tsivilizatsii" [The Ancient Rus' – a meeting place of civilizations], *Voprosy istorii*, no. 7 (1980).

V. N. VINOGRADOV, "K obsuzhdeniiu voprosov istorii narodov Tsentral'noi I Iugo-Vostochnoi Evropy na XV mezhdunarodnom kongresse istoricheskikh nauk" [Regarding the Discussion of the Questions of the History of the Peoples of the Central and South-Eastern Europe at the XV International Congress of the Historical Sciences], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 1 (1981): 46–60.